

ПРЕДИСЛОВИЕ

Опасаюсь, как бы мистер Шерлок Холмс не уподобился одному из тех популярных теноров, которые, пережив свое время, все еще поддаются соблазну снова и снова отвешивать своим снисходительным слушателям прощальные поклоны. Это должно прекратиться, и ему полагается уйти путем всякой плоти, будь то материальная или воображаемая. Приятно, конечно, думать, что детям воображения отведен некий фантастический лимб — странное, невероятное пространство, где щеголи Филдинга по-прежнему строят куры прелестницам Ричардсона, все так же гордо выступают герои Скотта, смешат народ очаровательные кокни Диккенса, преследуют свои сомнительные цели персонажи Теккерея. Быть может, в каком-нибудь скромном уголке этой Вальгаллы найдется временное пристанище и Шерлоку с его Ватсоном, освободившим свои места для какого-то еще более проникательного сыщика с каким-то еще менее проникательным сотоварищем.

Карьера моего героя была долгой, хотя ее размах можно и переоценить: престарелые джентльмены, заявляющие, будто приключения Шерлока Холмса составляли излюбленное чтение их детства, не получают от меня того отклика, на который, очевидно,

рассчитывали. Мало кому понравится столь неделикатное обращение с цифрами и датами, относящимися к его биографии. Касательно голых фактов: дебют Холмса состоялся в «Этюде в багровых тонах» и «Знаке четырех» — двух брошюрах, увидевших свет в 1887 и 1889 годах. «Скандал в Богемии», положивший начало длинной серии рассказов, появился в «Стрэнд мэгэзин» в 1891 году. Публика явно осталась довольна и пожелала продолжения, и вот за последующие тридцать шесть лет рассказы (на сегодняшний день общим числом, ни много ни мало, пятьдесят шесть) выходили отдельными сериями, которые затем были перепечатаны как «Приключения», «Записки», «Возвращение» и «Его прощальный поклон». Последние двенадцать, опубликованные на протяжении нескольких лет, ныне предлагаются читателям под названием «Архив Шерлока Холмса». Начав свою карьеру в поздневикторианскую эпоху, он продолжал ее весь слишком краткий период правления короля Эдуарда и сохранил свою скромную нишу даже и в наши бурные дни. Не будет преувеличением сказать, что те, кто знакомился с его приключениями в юности, дожили до того, чтобы увидеть, как их подросшие дети читают в том же самом журнале те же самые истории. Поразительный пример терпения и верности со стороны британской публики.

В финале «Записок» я собирался покончить с Холмсом, поскольку чувствовал, что не должен направлять всю свою творческую энергию по единственному руслу. Слишком большое место в моем воображении стали занимать это бледное скульптурное лицо и гибкая фигура. Так я и поступил, но, к счастью, вердикт коронера над телом не был про-

изнесен и мне ничего не стоило по прошествии времени подчиниться лестным для меня требованиям читателей, то есть отменить свое прежнее скоропалительное решение, истолковав события иным образом. И я об этом не пожалел, так как обнаружилось, что заметки о Холмсе несколько не воспрепятствовали мне испробовать и оценить свои силы в более значительных областях литературы, как то: история, поэзия, исторический роман, психические исследования и драма. Если бы Холмс не существовал вообще, число моих прочих сочинений едва ли бы умножилось, хотя, пожалуй, признанию моих более серьезных литературных опусов он несколько помешал.

Итак, читатель, с Шерлоком Холмсом пора проститься! Благодарю тебя за твое прежнее постоянство и надеюсь только, что мимолетное возвращение моего героя отвлекло тебя от повседневных забот и обогатило свежими идеями, каких не почерпнешь нигде, кроме волшебного царства романтической литературы.

Артур Конан Дойл

ПРИКЛЮЧЕНИЕ I

СИЯТЕЛЬНЫЙ КЛИЕНТ

«Теперь это урона никому не нанесет», — бросил мистер Шерлок Холмс в ответ на мою просьбу (десятью кряду за десятилетие) опубликовать эту историю. Итак, наконец-то мне было позволено предать гласности отчет о расследовании, которое в определенном смысле стало пиком карьеры моего друга.

Мы с Холмсом оба равнодушны к турецкой бане. Когда мы, остывая после парилки, неспешно покуривали в приятно-расслабленном состоянии, мой собеседник казался мне менее скрытным и более человечным, чем где бы то ни было. На верхнем этаже заведения на Нортамберленд-авеню есть укромный уголок, где рядышком стоят две кушетки. Вот там мы и полеживали 3 сентября 1902 года — в тот день, с которого начинается мой рассказ. Я спросил Холмса, не наклеывается ли чего-нибудь новенького. Вместо ответа он высвободил из простыни, в которую был закутан, свою длинную, худую, нервную руку, сунул ее во внутренний карман висевшего рядом пиджака и вытащил оттуда конверт.

— Неясно, замешан тут какой-нибудь вздорный и самодовольный олух или же речь идет о жизни и смерти, — заметил он, передавая мне это послание. — Помимо написанного, мне ничего не известно.

Письмо было отправлено из клуба «Карлтон» накануне вечером. Вот оно:

«Сэр Джеймс Дэймри почтительно извещает мистера Шерлока Холмса, что посетит его завтра в 4:30. Сэр Джеймс просит принять во внимание, что вопрос, по поводу которого он желал бы проконсультироваться с мистером Холмсом, не только чрезвычайно деликатен, но и чрезвычайно важен. Посему он выражает уверенность, что мистер Холмс приложит все старания, дабы эта встреча состоялась, и подтвердит свое согласие звонком по телефону в клуб „Карлтон“».

— Незачем говорить, что согласие я подтвердил, — заметил Холмс, когда я вернул ему письмо. — Вы что-то слышали об этом Дэймри?

— Знаю только, что в светском обществе его имя у всех на устах.

— Ну а я знаю немного больше. У него репутация посредника по улаживанию щекотливых дел, которые не должны просочиться в печать. Вспомните его переговоры с сэром Джорджем Льюисом относительно завещания Хаммерфорда. Это третий калач, от природы наделенный навыками дипломатии. Приходится поэтому надеяться, что это не ложный след и что ему действительно требуется наше содействие.

— Наше?!

— Если вы будете столь любезны, Ватсон.

— Почту за честь.

— Тогда не забудьте — половина пятого. А пока что можем выкинуть эту заботу из головы.

В то время я снимал жилье на Куин-Энн-стрит, но явился на Бейкер-стрит раньше назначенного срока. Ровно в половине пятого доложили о прибытии полковника сэра Джеймса Дэймри. Описывать его вряд ли нужно: многие помнят этого крупного, напористого, прямодушного человека с широким, чисто выбритым лицом; в особенности запоминался его приятный раскатистый голос. Серые ирландские глаза светились искренностью, на подвижных, смешливых губах играла добрая улыбка. Глянцевитый цилиндр, темный сюртук — словом, каждая деталь его наряда, от жемчужной булавки в черном атласном галстуке до бледно-лиловых гетр и лакированных туфель, — все говорило о сугубом внимании к одежде, которым полковник славился. Громадный, властный аристократ заполнил собой чуть ли не все пространство нашей комнатки.

— Я, разумеется, ожидал застать здесь доктора Ватсона, — начал он, учтиво поклонившись. — Его участие может оказаться совершенно необходимым, поскольку на этот раз, мистер Холмс, мы имеем дело с человеком, для которого насилие привычно и который буквально не остановится ни перед чем. Я бы даже сказал, что более опасной персоны не сыскать во всей Европе.

— Мне не единожды доводилось сталкиваться с противниками, вполне заслуживающими столь лестной оценки, — с улыбкой произнес Холмс. — Вы не курите? Тогда позвольте мне воспользоваться моей трубкой. Если ваш протеже более грозен, нежели покойный профессор Мориарти или ныне здравствующий полковник Себастьян Моран — что ж, в таком случае с ним в самом деле есть смысл познакомиться. Могу я узнать, как его зовут?

— Вы слышали когда-нибудь о бароне Грюнере?

— То есть об австрийском убийце?

Полковник Дэймри со смехом воздел к потолку руки, затянутые в лайковые перчатки:

— Ничто не ускользнет от вашего зоркого глаза, мистер Холмс! Великолепно! Вы уже определили его в разряд убийц?

— Отслеживать подробности уголовных преступлений на континенте — мой профессиональный долг. Кто бы усомнился в виновности барона, прочитав о происшествии в Праге! Ему помогли вывернуться лишь юридическая формальность и подозрительная смерть одного из свидетелей. А если взять так называемый несчастный случай на Шплюгенском перевале, то я настолько уверен, что он расправился там со своей женой, словно видел убийство собственными глазами. Знаю также о его прибытии в Англию — и с самого начала предчувствовал, что рано или поздно он задаст мне работенку. Итак, что же затеял барон Грюнер? Полагаю, связи с той давней трагедией никакой?

— Да, все обстоит гораздо серьезней. Покарать преступника, конечно, важно, но предотвратить новое злодеяние куда насущнее. Нестерпимо видеть, мистер Холмс, как назревает чудовищная катастрофа, ждать, что она вот-вот разразится, яснее ясного понимать, к чему она приведет, и быть связанным по рукам и ногам. Можете ли вообразить себе более тяжкое испытание?

— Вряд ли.

— Тогда вы, несомненно, проникнетесь сочувствием к клиенту, чьи интересы я представляю.

— Я не сразу уловил, что вы всего-навсего посредник. Кто же ваш доверитель?

— Мистер Холмс, я вынужден просить вас не добиваться от меня ответа на этот вопрос. Главное для меня — заверить клиента в том, что его высокое имя нигде и никак не будет упомянуто. Он движим самыми благородными и рыцарскими побуждениями, однако предпочитает оставаться инкогнито. Излишне упоминать, что выплата гонорара гарантирована и что вам предоставляется полнейшая свобода действий. Полагаю, подлинное имя вашего клиента не слишком существенно?

— Прошу прощения, — сказал Холмс. — Я привык к делам, загадочным с одного конца, но не с обоих. Боюсь, сэр Джеймс, что вынужден отклонить ваше предложение.

Наш посетитель явно переполошился. По его широкому взволнованному лицу пробежала тень разочарования.

— Вы едва ли до конца осознаете последствия вашего отказа, мистер Холмс. Вы ставите меня в крайне затруднительное положение. Я совершенно уверен, что, изложив вам всю подноготную, вы будете польщены приглашением взяться за это расследование, только кое-что я обязан обойти молчанием. Позволите ли вы хотя бы изложить вам все, что я могу?

— Конечно; однако вы понимаете, что я ничего не обещаю.

— Естественно. Прежде всего: вы наверняка слышали о генерале де Мервиле?

— О генерале де Мервиле, который отличился в сражении у Хайберского прохода? Как же, как же!

— У него есть дочь — Вайолет де Мервиль: юная, богатая, красивая, само совершенство во всех отношениях. Вот ее-то, эту чудную, невинную девушку,

мы и пытаемся вызволить из лап отъявленного мерзавца.

— Выходит, барон Грюнер возымел над ней какую-то власть?

— И самую могучую, которой женщина не в силах противостоять: власть любви. Барон, как вам, должно быть, известно, необычайно привлекателен внешне и обладает завораживающими манерами: у него мягкий, вкрадчивый голос, весь его облик окутан таинственно-романтическим ореолом, а на слабый пол это действует неотразимо. Говорят, ни одна женщина не способна перед ним устоять, и он всю этим пользуется.

— Но каким образом этот субъект сумел познакомиться с леди столь высокого положения в свете, как мисс Вайолет де Мервиль?

— Это произошло во время прогулки на яхте по Средиземному морю. Компания подобралась хотя и изысканная, но круиз был платный. Организаторы поездки, вне сомнения, слишком поздно раскусили, что за птица этот барон Грюнер. Негодяй сразу положил глаз на мисс Вайолет, и в своих ухаживаниях преуспел настолько, что всецело и бесповоротно завоевал ее сердце. Сказать, что она его любит, — значит не сказать ничего. Она на него не надышится, он у нее — свет в окошке. Во всем мире для нее существует только он. Дурного слова о нем она и слышать не желает. Всеми средствами старались излечить ее от этого наваждения, но без толку. Короче, через месяц она собирается выйти за него замуж. Воля у мисс Вайолет непреклонна, совершеннолетия она достигла, так что воспрепятствовать ей будет трудно.

— Ей известно о происшествии в Австрии?

— Этот изворотливый прохиндей поведал ей о каждом отвратительном скандале, к которому был

причастен, но всякий раз сумел выставить себя невинной жертвой. Мисс Вайолет безоговорочно верит ему на слово и не желает слушать никаких опровержений.

— Силы небесные! Однако вы, сами того не желая, выдали имя вашего доверителя. Без сомнения, это генерал де Мервиль?

Наш посетитель заерзал в кресле:

— Я мог бы ввести вас в заблуждение, подтвердив это, мистер Холмс, но тем самым погрешил бы против истины. Де Мервиль совершенно раздавлен горем. Стойкого воина эта история начисто выбила из колеи. Он утратил остатки самообладания, никогда не изменявшего ему на поле битвы, и превратился в трясущегося, расслабленного старика, которому нечего и думать совладать с таким блистательным и неотразимым противником, как этот австриец. Мой клиент — старый друг генерала, близко знавший его с давних лет, а его дочку он по-отечески опекал еще с тех пор, когда она ходила в коротких платьицах. Он не в силах видеть, как эта трагедия близится к печальной развязке, и не предпринимать никаких мер для спасения девушки. Вмешательство Скотленд-Ярда ничего не даст. Именно этот друг и предложил обратиться за помощью к вам, но, как я уже упомянул, поставил неперемное условие: в ход дела он не должен быть вовлечен. Не сомневаюсь, мистер Холмс, что вы с вашими великими способностями без труда вычислите личность моего клиента на основании моих слов, но я должен, полагаясь на вашу честь, убедительно просить вас воздержаться от этого и не разоблачать его инкогнито.

— Думаю, могу твердо пообещать вам это, — загадочно усмехнувшись, отозвался Холмс. — Добавлю,

что ваша проблема меня заинтересовала и я готов ею заняться. Как мне с вами связываться?

— Обращайтесь в клуб «Карлтон». Но в случае срочной необходимости мой личный телефонный номер — два икса тридцать один.

Холмс занес номер в записную книжку и, держа ее на коленях раскрытой, с прежней улыбкой спросил:

— Назовите, пожалуйста, теперешний адрес барона.

— Вернон-Лодж, близ Кингстона. Дом большой. Барон изрядно поживился на каких-то темных махинациях и разбогател, что, разумеется, делает его еще более опасным врагом.

— Он сейчас дома?

— Да.

— А что еще о нем вы могли бы мне сообщить, вдобавок к сказанному?

— Вкусы барона требуют немалых трат. Увлекается скаковыми лошадьми. Играл в поло в «Херлингеме» — но недолго: из клуба пришлось выбыть, когда поднялась шумиха вокруг пражского инцидента. Коллекционирует книги и картины. Обладает заметной артистической стрункой. Кажется, слышет авторитетом по части китайской керамики и написал о ней книгу.

— Разносторонняя натура, — заметил Холмс. — Черта всех выдающихся преступников. Мой старинный приятель Чарли Пис виртуозно играл на скрипке. Уэйнрайт был приличным художником. Список можно значительно продолжить. Итак, сэр Джеймс, известите вашего клиента, что я намерен сосредоточить свое внимание на бароне Грюнере. Пока это все.

У меня есть кое-какие собственные источники сведений, и осмелюсь заявить, что способы раскрутить это дело найдутся.

После ухода нашего визитера Холмс так долго просидел в задумчивости, что мне показалось, будто он забыл о моем присутствии. Но наконец он встряхнулся и словно бы разом спустился на землю.

— Ваши предложения, Ватсон? — спросил он.

— Мне представляется, что вам лучше повидаться с девушкой самому.

— Мой дорогой Ватсон, если ее несчастный, огорченный отец ничего не смог поделать, то могу ли я, чужой человек, хоть как-то на нее повлиять? Впрочем, если ничто не подействует, вашей идеей стоит воспользоваться. Но я думаю, нам следует зайти с другой стороны. Полагаю, выручить нас сумеет Шинвелл Джонсон.

Мне еще не случалось упоминать в моих записках Шинвелла Джонсона, поскольку я редко касался деятельности Шерлока Холмса в поздние годы его карьеры. С наступлением нового века Шинвелл Джонсон сделался одним из бесценных наших помощников. Должен с прискорбием сообщить, что Джонсон поначалу заявил о себе как о весьма опасном преступнике и отсидел два срока в Паркхерсте. Наконец он раскаялся и вступил в сотрудничество с Холмсом, став его агентом в обширной криминальной сети Лондона. Там он добывал сведения, которые зачастую оказывались жизненно важными. Будь Джонсон обычным «полицейским пролазой», его немедленно бы разоблачили, но поскольку он ввязывался только в те дела, которые до суда не доходили, сообщники не догадывались об его истинной роли.

Окруженный ореолом двух судимостей, он имел *entrée*¹ во все ночные клубы, ночлежки и игорные притоны столицы, а благодаря его наблюдательности и смысленности о лучшем сборщике сведений не приходилось и мечтать. Именно к нему Шерлок Холмс и решил теперь адресоваться.

У меня, поглощенного неотложными профессиональными заботами, не было возможности проследить за первоначальными шагами моего друга, но вечером мы условились встретиться в ресторане Симпсона. Там, сидя за столиком у окна, выходящего на Стрэнд, и наблюдая бурливый жизненный поток, Холмс поведал мне последние новости:

— Джонсон вышел на охотничью тропу. Если поведет, то нарвет толику грязи по темным закоулкам самого дна общества. Там коренятся самые черные злодеяния — и где же еще доискиваться до тайных делишек барона?

— Но если девушка не желает верить тому, что уже известно, неужели свежие разоблачения смогут отвратить ее от цели?

— Как знать, Ватсон? Ум и сердце женщины для мужчин — книга за семью печатями. Они могут простить и оправдать убийство, а из-за какой-нибудь ничтожной провинности разнесут в клочья. В разговоре со мной барон Грюнер заметил...

— В разговоре с вами?!

— Ах да, я ведь не посвятил вас в свои планы! Знаете, Ватсон, я люблю схватиться с противником впрямую. Предпочитаю увидеться с глазу на глаз и определить, из какой глины он слеплен. Я дал Джонсону указания и нанял кэб до Кингстона, где барон принял меня в высшей степени радушно.

¹ Свободный доступ (*фр.*).

— Он вас узнал?

— Особой догадливости не требовалось: достаточно было взглянуть на мою визитную карточку. Более достойного противника и не сыскать! Холоден как лед, голос нежнее шелка — прямо-таки убаюкивает, под стать этим вашим модным врачебным консультантам, но сам он ядовитее кобры. Породы, судя по всему, высшего класса: это подлинный аристократ преступного сословия. Как бы между прочим предложит вам выпить послеобеденную чашечку чая, а она-то и сведет вас в могилу. Да, я очень рад тому, что барон Адельберт Грюнер попался мне на зуб!

— Вы говорите, он держался с вами любезно?

— Мурлыкал, будто кот, уверенный в поимке мыши. Иная любезность пострашнее откровенной угрозы. Что могло быть красноречивее его приветствия? «Я так и предполагал, что рано или поздно мы с вами свидимся, мистер Холмс, — начал он. — Вас, несомненно, нанял генерал де Мервиль, чтобы предотвратить мой брак с его дочерью Вайолет. Не правда ли?»

Возражать я не стал.

«Дражайший, — продолжал барон, — вы только пустите под откос вашу вполне заслуженную репутацию. В этом деле на успех вам рассчитывать не приходится. Работа вам предстоит зряшная, не говоря уже о сопряженном с ней риске. Позвольте вам настоятельно посоветовать — бросьте немедленно вашу затею!»

«Забавно! — ответил я. — Именно этот совет я и собирался вам предложить. Я питаю уважение к вашему уму, барон, и оно ничуть не уменьшилось при нашем беглом знакомстве. Давайте объяснимся

как мужчина с мужчиной. Ни у кого нет охоты ворошить ваше прошлое и причинять вам лишние тревоги. Что было — то сплыло. Вы теперь в тихих водах. Но если вы будете и впредь добиваться этого брака, против вас восстанет целый сонм могущественных врагов, и они не дадут вам ни минуты покоя, сделав невозможным само пребывание в Англии. Стоит ли игра свеч? Куда благоразумней отказаться от союза с этой девушкой. Вряд ли ее обрадуют кое-какие подробности из вашего прошлого».

На верхней губе барона торчат две крохотные напимаженные щеточки, похожие на усики насекомого. Пока он меня слушал, они подрагивали от удовольствия, и в конце концов он прыснул:

«Простите мое веселье, мистер Холмс, но воистину смешно, когда садятся за игру, не имея в руках карт. Не думаю, что кто-либо сумел бы вас превзойти в блефе, но выглядите вы тем не менее жалко. У вас ни единого козыря, мистер Холмс, — одна лишь мелочь».

«Вольно вам так думать».

«Я не думаю — я знаю. Позвольте мне высказаться напрямик: у меня на руках такой набор, что я готов открыться. Мне выпало счастье завоевать беспредельную привязанность этой девушки. Я без малейшей утайки описал все горестные недоразумения, постигшие меня в жизни, но это ничему не помешало. Я также предупредил мисс Вайолет, что к ней явятся злонамеренные интриганы (надеюсь, вы себя узнали) с целью меня оклеветать и примутся повторять те же самые рассказы. Я посоветовал ей, как следует обращаться с такими персонами. Вы наверняка слышали о постгипнотическом внушении, мистер Холмс? Что ж, у вас будет случай убедиться в том, как сильная личность умеет применить гип-

ноз, не прибегая к пошлым пассажам и прочему шутовству. Мисс Вайолет готова вас принять и, не сомневаюсь, назначит вам день и час. Она безоговорочно подчиняется воле отца, за исключением одного-единственного ничтожного пустячка».

Итак, Ватсон, говорить больше было не о чем, и я откланялся, призвав на помощь все свое холодное достоинство. Но едва я взялся за дверную ручку, барон меня остановил:

«Между прочим, мистер Холмс, знавали ли вы Лебрена, французского частного детектива?»

Я подтвердил, что знал.

«Слышали, что с ним приключилось?»

«Его вроде бы избили на Монмартре какие-то апаши, превратив в беспомощного калеку».

«Совершенно верно, мистер Холмс. По странному совпадению всего лишь за неделю до того он начал интересоваться моими делами. Не стоит этого делать, мистер Холмс, ничего хорошего такие занятия не сулят. Доказано на опыте — и не единожды. Вот вам мое последнее слово: ступайте своей дорогой, а мне позвольте идти по своей. Прощайте!»

Вот, Ватсон, и все новости. Теперь вы в курсе дел.

— Опасная штука этот барон.

— Опаснее не придумать. Фанфаронов я презираю, а этот слова попусту не тратит.

— Холмс, должны ли вы вмешиваться? Так ли уж важно, женится барон на этой девушке или нет?

— Если учесть, что свою последнюю жену он, бесспорно, спровадил на тот свет, то важно — и даже очень! Кроме того, наш клиент... Впрочем, незачем это обсуждать. Допивайте кофе и пойдем ко мне, ибо неутомимый Шинвелл наверняка ждет нас с докладом.

Мы и в самом деле застали его у нас. Это был грубоватый краснолицый толстяк цинготного вида с темными живыми глазами: только они и выдавали его цепкий, пронизательный ум. Похоже, он нырнул в глубины своих особых владений и выудил оттуда образцовую их представительницу. Рядом с ним на кушетке сидела худенькая огненно-рыжая, взвинченная женщина с бледным напряженным лицом — молодая, но явно потрепанная жизнью. За немногие годы порочность и беды наложили на ее внешность губительный отпечаток.

— Это мисс Китти Уинтер, — отрекомендовал нам свою спутницу Шинвелл Джонсон, махнув пухлой рукой. — Если уж ей чего неизвестно... Ладно, пусть рассказывает сама. Часу не прошло после нашего разговора, мистер Холмс, а глядь — она как раз мне и повстречалась.

— Долго искать меня незачем, — отозвалась молодая женщина. — Пишите: «Преисподняя, Лондон» — не ошибетесь. С Жирдяем Шинвеллом у нас один адрес. Мы, Жирдяюшка, с тобой давно в одной упряжке. Но, черт побери, будь на свете хоть капелька справедливости, кое-кто горел бы в аду пострашнее нашего! Это я о том, за кем вы охотитесь, мистер Холмс.

Холмс улыбнулся:

— Вижу, вы желаете нам успеха, мисс Уинтер?

— Если я смогу пособить вам упрятать этого типа туда, где ему самое место, я ваша до последнего вздоха! — в порыве ярости проговорила наша гостья. На ее бледном застывшем лице и в пылающем взгляде выразилась ненависть, на какую способна редкая из женщин — и никто из мужчин. — В мое прошлое вдаваться вам незачем, мистер Холмс. Оно тут сбоку припека. Но виной тому, что я стала такой, какая

есть, — он, Адельберт Грюнер. Если бы только мне с ним поквитаться! — Она лихорадочно стиснула руки. — О, если бы только стащить его в ту яму, где по его милости барахтаются многие — и не я одна!

— Суть дела вам известна?

— Жирдяй Шинвелл мне втолковал. Барон подцепил еще одну гусыню и в очередной раз хочет жениться. Вы желаете ему помешать. Ну, вы же наверняка узнали об этом негодяе достаточно и любой приличной девушке, если только она в здравом уме, втолкуете, чтобы она не ходила с ним под венец.

— Увы, эта девушка не в здравом уме. Влюблена в него до умопомешательства. Ей раскрыли всю подноготную Грюнера. Впечатления ни малейшего.

— И про убийство рассказали?

— Да.

— Ну и ну, надо же какая отчаянная!

— Все свидетельства она отменяет как злобную клевету.

— А почему бы вам не сунуть доказательства под нос этой дурище?

— Вы нам с этим поможете?

— Я сама разве не доказательство? Если бы мне прямо рассказать ей, как он меня растоптал...

— Вы согласны это сделать?

— Я? Еще бы не согласна!

— Что ж, тогда стоит попробовать. Однако барон уже покался перед ней в большинстве своих преступлений, невеста его простила — и вопрос для нее исчерпан.

— Провалиться мне на месте, если он выложил ей всю правду! — воскликнула мисс Уинтер. — Я краем уха слышала о двух-трех убийствах, кроме того самого — нашумевшего. Бывало, упомянет он кого-нибудь своим обычным бархатным голоском,

а потом пристально на меня посмотрит и добавит: «И месяца не протянет». И слова на ветер он не бросал. Но я в эти дела не вникала — любила его тогда без памяти. Чем он там занимался — я и думать не думала, в точности как эта бедная дурочка. Меня только одно до печенок пробрало. Да, черт возьми, если б не умел он так улещать и убаюкивать своим лживым ядовитым языком, сбежала бы от него в тот же вечер. Есть у него книжечка — в коричневом кожаном переплете с замочком, на обложке вытиснен золотом его баронский герб. Он, похоже, тогда чуть-чуть перепил, иначе вряд ли бы мне ее показал.

— И что же в этой книжечке было?

— Расскажу без утайки, мистер Холмс. Этот тип собирает женщин, помещает к себе в коллекцию вроде как мошек или бабочек и раздувается от гордости. Вот такая вот книга. Там и фотографии, имена и подробности разные — словом, всё-всё-всё. Альбомчик самый мерзопакостный: даже распоследний подонок такого бы постыдился. А вот Адельберту Грюнеру все нипочем. «Загубленные мной души» — вот какое заглавие он мог бы там надписать, стукни ему в голову такая мысль. Только зря я об этом толкую: вам эта книжка ни к чему, а если бы даже и пригодилась, до нее никак не добраться.

— А где она лежит?

— Откуда мне знать, где она теперь? Уже больше года, как я с ним рассталась. Помню, где он тогда ее держал. У него, как у кота, все прибрано и аккуратно разложено по полочкам, так что эта книжонка, должно быть, все еще хранится в ящике старого бюро в дальнем кабинете. Вы были у него в доме?

— Побывал в кабинете.

— Ого, да неужто? Времени, значит, не теряли, если взялись за дело только нынче утром. Может, в этот раз у душки Адельберта и найдет коса на камень. В первом кабинете у него китайская посуда — большущий такой застекленный шкаф стоит между окнами. А позади письменного стола — дверь во второй, внутренний кабинет. Небольшая такая комнатка, он там хранит бумаги и всякий прочий хлам.

— Взломщиков он не боится?

— Адельберт не трус. Даже его злейший враг это подтвердит. Он себя в обиду не даст и на ночь включает сигнализацию. И чем там грабителю поживиться — не тащить же с собой всю эту фарфоровую дребедень?

— Толку от нее никакого, — вставил Шинвелл Джонсон уверенным тоном эксперта. — Ни один скупщик не возьмет товар, который нельзя ни переплавить, ни сбыть с рук.

— Совершенно верно, — поддакнул Холмс. — Итак, мисс Уинтер, хорошо бы вы заглянули ко мне завтра в пять вечера. Я тем временем прикину, нельзя ли и вправду устроить вам свидание с этой девицей. Чрезвычайно признателен вам за содействие. Незачем уточнять, что мои клиенты готовы щедро...

— Даже не заговаривайте об этом, мистер Холмс! — вскричала женщина. — Не за деньги я подряжаюсь. Затопчите этого негодяя в грязь, а мне одно только нужно — наступить каблуком на его поганую рожу. Вот моя цена. Буду у вас завтра и в любой другой день, пока вы идете по следу. А Жирдяй всегда вам подскажет, где меня найти.

Мы снова встретились с Холмсом на следующий вечер — и опять за нашим столиком в ресторанчике

на Стрэнде. Вместо ответа на вопрос, как прошла назначенная встреча, он только пожал плечами. Потом все же описал это событие, и я перескажу его сообщение по-своему. В его сухой, сжатый отчет нелишне внести некоторую правку, дабы подладиться под привычный слог.

— Устроить свидание труда не составило, — начал Холмс. — Девушка с радостью выказывает подчеркнутое смирение, безропотно идя навстречу отцу во всех мелочах, лишь бы загладить свое вопиющее непослушание с помолвкой. Генерал по телефону уведомил меня, что все улажено. Наша яростная мисс У. явилась точно в назначенный час, и в половине шестого мы вышли из кэба у дома номер сто четыре на Беркли-Сквер, где проживает старый воин. Это один из тех до ужаса серых лондонских замков, по сравнению с которыми даже церковь выглядит фривольно. Ливрейный лакей проводил нас в просторную гостиную с желтой драпировкой, где нас ждала мисс де Мервиль — бледная, сдержанно-замкнутая и столь же отстраненная и недоступная, как снежная макушка на вершине горы.

Даже не знаю, как дать вам ясное о ней представление, Ватсон. Возможно, до окончания нашего предприятия вы еще успеете с ней встретиться — и тогда пустите в ход ваш словесный дар. Мисс де Мервиль красива, но неземной, потусторонней красотой фанатички, одержимой мыслями о возвышенном. Подобные лица попадались мне на картинах старых мастеров Средневековья. Не в силах понять, каким образом этой скотине удалось заграбастать своими грязными лапами существо не от мира сего. Впрочем, вы, должно быть, замечали, что противоположности сходятся: духовное начало тянется

к животному, пещерный человек — к ангелу. Кошмарнее иллюстрации и не сыскать.

Разумеется, мисс де Мервиль знала, ради чего мы к ней нагрянули: мерзавец времени зря не терял и всячески настроил ее против нас. Появление мисс Уинтер, думаю, несколько ее удивило, но она указала нам на кресла жестом преподобной аббатисы, которая снисходит до парочки прокаженных попрошайек. Если, часом, голова у вас вскружится от довольства собой, дружище Ватсон, пройдите курс лечения у мисс Вайолет де Мервиль.

«Да, сэръ, — произнесла она холодно, и нас обвело ледяным дыханием айсберга, — ваше имя мне знакомо. Насколько я понимаю, цель вашего визита — опорочить моего жениха, барона Грюнера. Приняла я вас исключительно по просьбе отца — и желала бы предупредить, что любые ваши речи ни малейшим образом не повлияют на мой выбор».

Мне стало жаль ее, Ватсон. На мгновение я подумал о ней как о собственной дочери. Красноречивым я бываю редко: действую рассудком, а не сердцем. Но на этот раз я взывал к ней со всем жаром, выискивая в душе самые убедительные доводы. Я обрисовал ей ужасное положение женщины, которой только после венчания открывается истинный характер супруга, и она вынуждена покоряться ласкам кровавых рук, терпеть лобзания развратных губ. Я был беспощаден и не умолчал ни о чем: предсказал ей в будущем позор, страх, напрасные терзания, безысходность. Но все мои пламенные речи не вызвали даже легкого румянца на ее бескровных щеках, не зажгли ни искры чувства в ее отсутствующем взгляде. Мне припомнились слова этого мерзавца о постгипнотическом внушении. Нетрудно было

поверить, что она витает вдали от всего земного, во власти каких-то экстатических мечтаний. Однако ответ я получил прямой и совершенно недвусмысленный:

«Мне хватило терпения выслушать вас, мистер Холмс. Как я и предвидела, мою решимость ваши излияния ничуть не поколебали. Мне известно, что Адельберт, мой жених, прожил бурную жизнь и навлек на себя ненависть целой своры недругов, готовых чернить его самыми несправедливыми наветами. Вы не первый из тех, кто возводит на него передо мной клевету. Не исключаю, что намерения у вас хорошие, хотя, как я слышала, вы платный агент и в равной степени готовы как изобличить барона, так и постоять за него горой. Но так или иначе прошу вас уяснить раз и навсегда: я люблю Адельберта, а он любит меня, и мнение всего света значит для меня не больше, чем чириканье вон тех птишек за окном. Если его благородная натура однажды на миг и уступила соблазну, то, как знать, быть может, мне предназначено вернуть ее на истинную, высокую стезю... Я не совсем понимаю, — тут мисс де Мервиль перевела глаза на мою спутницу, — кто эта молодая леди?»

Не успел я ответить, как мисс Уинтер вихрем ворвалась в разговор. Лед и пламень лицом к лицу — так выглядело столкновение двух этих женщин.

«А я вам сама скажу, кто я такая! — с искаженным от волнения лицом вскричала она, вскочив с кресла, словно подброшенная пружиной. — Я его последняя любовница. Одна из сотни тех, кого он соблазнил, кем потешился, кого сгубил и швырнул в мусорную яму. Точно так же он швырнет туда и вас. Яма вам уготована, скорей всего, могильная, да, наверное, это и лучше. Говорю вам, глупая вы: как вый-

дете за него замуж — сразу шейте себе саван. Голову он вам разобьет или сердце — разница невелика, конец один, и вам его не миновать. Не из любви вас предупреждаю. Плевать мне, на земле вы или под землей. Меня ненависть к нему душит. Разделаться с ним хочу, поквитаться. Хочу выместить на нем все, что он со мной сотворил. Ну, да вам на кой это знать? Нечего меня так глазами буравить, любезная леди! Может, вы еще скатитесь куда ниже меня».

«Я бы предпочла не вдаваться в обсуждения подобного рода, — холодно парировала мисс де Мервиль. — Позвольте подвести окончательную черту. Я осведомлена о трех эпизодах в жизни моего жениха, когда он запутывался в сетях, раскинутых для него злоумышленницами, но — в чем сомнений у меня нет — он искренне раскаялся и глубоко сожалеет, если помимо воли причинил кому-то зло».

«Три эпизода! — взвизгнула мисс Уинтер. — Дура вы, дура! Слов не подберу, что за дура!»

«Мистер Холмс, покорнейше прошу вас прекратить этот диспут! — послышался бесстрастный голос мисс де Мервиль. — Я подчинилась желанию отца принять вас, однако не обязана выслушивать бредни этой особы».

Мисс Уинтер с бранью рванулась вперед и, если бы я не схватил ее за руку, вцепилась бы в волосы нашей хозяйке, способной кого угодно свести с ума. Я поволок свою спутницу к выходу, а на улице мне посчастливилось втиснуть ее в кэб без публичного скандала, хотя она едва не лопалась от ярости. Я и сам, Ватсон, втайне кипел от негодования. Было нечто неопределимое вызывающее в хладнокровной отстраненности и неколебимом упорстве женщины, которую мы пытались спасти. Итак, Ватсон, теперь вы снова знаете, в каком мы положении. Пожалуй,

придется изобретать новый дебют, поскольку гамбит не сработал. Буду держать с вами связь. Скорее всего, Ватсон, вам еще придется принять участие в игре, хотя более чем вероятно, что очередной ход не за нами.

Так оно и вышло. Удар нанесли они. Вернее, удар нанес барон: ни за что не поверю, что мисс де Мервиль могла быть к этому причастна. Думаю, я и сейчас сумел бы указать вам тот камень мостовой, на который я ступил, когда взгляд мой упал на листок с новостями и душа моя оцепенела от ужаса. Я остановился на пути от Гранд-отеля до вокзала Чаринг-Кросс — там, где торгует вечерними газетами одноногий продавец. Листок был выпущен всего два дня спустя после нашего последнего разговора. На желтом фоне чернела страшная новость:

ПОКУШЕНИЕ НА ЖИЗНЬ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Меня словно обухом по голове хватили, и я буквально окаменел. Смутно припоминаю, что выхватил газетный листок из рук негодующего продавца, с которым забыл расплатиться, а потом, застряв в дверях аптеки, вчитался в роковые строки:

«С прискорбием извещаем, что мистер Шерлок Холмс, широко известный частный детектив, стал сегодня утром жертвой жестокого нападения и теперь находится в крайне тяжелом состоянии. Подробности мы не располагаем; известно только, что инцидент произошел около двенадцати часов на Риджент-стрит, поблизости от кафе „Ройял“. Двое злоумышленников, вооруженных тростями, нанесли мистеру Холмсу удары по голове и телу, причинив травмы, которые медики считают весьма опасными.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	5
Приключение I. Сиятельный клиент <i>Перевод С. Сухарева</i>	9
Приключение II. Солдат с белым лицом <i>Перевод Л. Бриловой</i>	46
Приключение III. Камень Мазарини <i>Перевод С. Сухарева</i>	73
Приключение IV. «Три фронта» <i>Перевод Л. Бриловой</i>	97
Приключение V. Вампир в Сассексе <i>Перевод С. Сухарева</i>	120
Приключение VI. Три Гарридеба <i>Перевод С. Сухарева</i>	144
Приключение VII. Загадка Торского моста <i>Перевод С. Сухарева</i>	168
Приключение VIII. Человек на четвереньках <i>Перевод С. Сухарева</i>	204
Приключение IX. Львиная грива <i>Перевод Л. Бриловой</i>	233
Приключение X. Квартирантка под вуалью <i>Перевод Л. Бриловой</i>	259
Приключение XI. Шоском-Олд-Плейс <i>Перевод Л. Бриловой</i>	275
Приключение XII. Москательщик на покое <i>Перевод Л. Бриловой</i>	298